

РАЙ ВОПЛОЩЕННЫЙ: ОБЪЕКТНЫЙ МОДУС МЕТАФОРЫ В ЭРРАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Д. С. Горшенёв

*МГИМО МИД России,
d.gorshenev@inno.mgimo.ru*

М. Д. Чертовских

*МГИМО МИД России
matt780@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена осмыслению и апробации «эрратологической аналитики», фиксирующей множественный семиозис городской среды, через сбои и отклонения проектных траекторий. Другими словами, будет осуществлена попытка «прочитать» город через призму того, как идея Рая как материального топоса вступает в непреодолимые противоречия со средой (политической, экономической, экологической и т.д.), формируя разломы и ошибки. И через призму этих ошибок будет дан анализ того, как происходит семиозис городской среды. В основе подхода лежит объектный модус метафоры (онтографическая схема RO-SQ), материальная семиотика, а также бразильская традиция иконофагии. В качестве исследуемого материала были взяты основанные на идее построения Рая на Земле три топоса: Припять (катастрофический сбой), Мнёвнинская пойма в Москве (медленное, санкционированное исчезновение деревни Терехово и посёлка Главмосстроя) и Фордландия в Бразилии (столкновение двух воплощённых утопий). При этом каждый тип ошибки обнажает латентные смыслы и актанты, невидимые в штатном режиме. «Рай воплощённый» в каждом из случаев предстаёт подвижным организмом, вступающим в непреодолимый конфликт с замыслом Божественным и человеческим. И материальное его воплощение либо поглощает замысел т(Т)ворца, либо сам оказывается поглощён средой, новой телесностью или очередным образом Рая, который по задумке должен разрешить все противоречия, но не может этого сделать ввиду своей эрратологической природы. Предложенная оптика не отменяет семиотику культуры и феноменологию, но

позволяет работать в зазоре между ними, одинаково чувствительно относясь к знаковым структурам и телесно-чувственным модусам. В перспективе эрратологическая аналитика может быть применена к другим городам-проектам, пространствам реновации и цифровым средам.

Ключевые слова: эрратологическая аналитика, иконофагия, объектный модус метафоры, городской семиозис, воплощённый рай, объектно-ориентированная онтология, Рай, утопия.

EMBODIED PARADISE: THE OBJECTAL MODE OF METAPHOR IN THE ERRATOLOGICAL ANALYTICS OF THE URBAN ENVIRONMENT

Dmitry S. Gorsheneyov

MGIMO University
d.gorshenev@inno.mgimo.ru

Matvey G. Chertovskikh

MGIMO University
matt780@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the conceptualization and testing of "erratological analytics" – an approach that captures the multiple semiosis of the urban environment through disruptions and deviations from projected trajectories. In other words, it attempts to "read" the city through the lens of how the idea of Paradise as a material topos enters into irresolvable contradictions with the environment (political, economic, ecological, etc.), thereby producing fractures and errors. Through the prism of these errors, the analysis reveals how the semiosis of the urban environment unfolds. The approach is grounded in the objectal mode of metaphor (the ontographic RO-SQ scheme), material semiotics, and the Brazilian tradition of iconophagy. Three toposes founded on the idea of building Paradise on Earth serve as the research material: Pripyat (a catastrophic breakdown), the Mnyovniki floodplain in Moscow (the slow, state-sanctioned disappearance of the village of Terekhovo and the settlement of Glavmosstroy), and Fordlândia in Brazil (a clash between two embodied utopias). Each type of error uncovers latent meanings and actants that remain invisible under normal, non-disruptive conditions. In each case, "Embodied Paradise" appears as a mobile

organism that enters into an insurmountable conflict with both the divine and the human design. Its material embodiment either absorbs the creator's (or Creator's) intention or is itself absorbed by the environment, a new corporeality, or yet another image of Paradise – an image that is supposed to resolve all contradictions but fails to do so due to its own erratological nature. The proposed optics does not cancel out the semiotics of culture or phenomenology, but allows one to work in the gap between them, being equally sensitive to sign structures and to the corporeal-affective modes of their conflict. In the future, erratological analytics can be applied to other project-cities, renewal spaces, and digital environments.

Keywords: erratological analytics, iconophagy, objectal mode of metaphor, urban semiosis, embodied paradise, object-oriented ontology, Paradise, utopia.

Введение

Расхожая мудрость учит, – нет ничего более сокрытого, чем то, что всегда на виду. Городская среда в этом смысле долгое время оставалась регионом в высшей степени сокрытым. Будучи всегда данной в феноменологической перспективе, бытовой практике, антропологических реалиях, будучи предметом пристального изучения в разрезе планирования и инструментального совершенствования, она, тем не менее, ускользала как система означивания, как продолжение культуры, властных институций и религиозных проекций.

Город не содержит единого и непротиворечивого послания, но скорее представляется как библиотека, которая постоянно пересобирает себя, как семиозкотоп смыслов, которые оказываются рядом случайными и загадочными способами. Город не может быть прочитан в традиционной семиотической перспективе, где есть четкая структура семиосферы с отправителем и получателем сообщения. Даже если это город-проект как Санкт-Петербург, Припять, Тикси или Фордландия. Замыслы всегда растворяются в сетях смыслов, которые роятся на поверхности города, как реальные практики взаимодействия со средой жителей, влияние географии, ассамбляжа встречающихся культур, самой Истории и множества малых историй.

Эта встреча может быть мирной и в какой-то мере латентной – тогда городская среда видится как библиотека смыслов и образов, где каждый выбранный вариант – будь то утопический проект Рая Кампанеллы и Мора, или фавелы Рио-де-Жанейро – читается феноменологически. Но город может стать и полем непрерывного каннибалического обмена, где проектные утопии, телесные практики и медийные призраки пожирают друг друга, оставляя «непереваренные» руины. И тогда образ Рая, будучи воплощённым в материи города, ведет практически животную борьбу за то, чтобы пожрать локальную телесность, подчиняя её своей дисциплинарной утопии, и не стать проглоченным средой и телом, превращаясь в руину несбывшегося.

Религиозно-модерные замыслы новатора Петра I, идеи людей, строивших атомный город-мечту с плаката, таких как в случае с Припятью Мария Владимировна Проценко, Геннадий Иванович Олешко и Виктор Петрович Брюханов, видения покорителей севера и американских промышленников в джунглях Бразилии – всё это конкретные перспективы и сообщения, но они всякий раз оказываются сточены

о что-то ещё. Пётр и Форд личности грандиозные, мы говорим про их замыслы до сих пор и замечаем их следы, но в процессе своего существования, в их проектах появилось огромное количество незапланированных голосов. Итак, город представляет собой полифонию смыслов, сети перспектив. Город есть метафора, которая собирает и запаковывает многообразие объектов таким способом, которым его может воспринять смотрящий. В данном тексте мы рассмотрим возможности методологического описания и исследовательские подходы, позволяющие работать в областях множественного городского семиозиса.

Методология

В центре рассмотрения работы находится материальная семиотика и объектный модус метафоры, как деятельного преобразующего начала пространственной семиотики города (Петров, 2023). Метафора не пассивный объект, не просто украшение текста, но способ организации знания и структурирования качеств и свойств объекта, нечто, что весьма деятельно и способно к преобразованию того материала, к которому она причастна. В рамках объектно-ориентированного подхода, метафора представляется как объект с широкой смысловой и актантной автономиями. Всякий объект эстетики всегда метафоричен, и подобно метафоре описывается онтографической схемой RO-SQ (Харман, 2020, с. 211), т.е. реальный (трансцендентный) объект соприкасается с чувственными качествами, зависимыми от того, кто их феноменологически интендирует. Город, а шире, всякая среда пребывания, как уже было сказано, всегда содержит в себе «n+1» перспектив, которые ускользают и полностью не схватываются, деформируют друг друга, порождаются во взаимодействиях, но частично (а иногда карикатурно, как это характеризует Грэм Харман) проступают определенным, возможным в рамках наличных условий образом. Несмотря на возникающую угрозу неохватной бездны значений, на деле мы всегда можем как-то стабильно (на коротких промежутках времени) воспринять явившееся пространство. Дальше оно меняется в зависимости от наших знаний о нём и о других местах, общего опыта и т.п.

Ошибки – лучший способ увидеть скрытые перспективы. В заглавие текста вынесена «эрратологическая аналитика», за неимением более подходящего термина, так мы станем называть анализ, который опирается на учёт и картографию ошибок,

понимаемых как катаклизмы и отклонения проектной траектории определенной перспективы. Этот подход подсказывается прежде всего интуициями объектно-ориентированных подходов (АСТ, ООО, тёмная экология Мортон и отчасти виталистический материализм Беннетт), где сети связей объектов и условное «коллективное тело» вскрывается тогда, когда происходит сбой, нарушение хода вещей (Харман, 2018).

Дополнительный операциональный слой вносит К.С. Феррейра, чьи «карты аффекта» позволяют картографировать не только культурные коды, но и телесно-чувственные модусы их конфликта – удушье, облегчение, ритмическое рассогласование. В этой перспективе эрратологическая аналитика получает не просто инструмент фиксации отклонения от проекта, но аппарат для анализа воплощённого столкновения двух (или более) образов (в случае настоящего исследования райских), каждый из которых требует своего воплощения в материи, вывода ошибку за пределы исключительно семантической или управленческой фабулы (Феррейра, 2025).

В рамках городской сети объектов можно обнаружить такие объектные коллективы (ансамбли архитектуры, сочетания природных и антропогенных ландшафтов, сорасположения зданий, проецирующих властные и сакральные отношения) которые метафорически схватывают обозначенные поломки, обнажая множественность скрытых перспектив истории среды.

Это и есть не что иное, как локальная манифестация иконофагии (Н. Байтель-младший), когда образы и материя пожирают друг друга, а воплощенный замысел, зачастую вопреки замыслу архитектора и/или визионера, обретает скорее хонтологическую природу нежели постулирующую победу человека над средой и собой.

Цель данного исследования заключается в методологическом описании, обнаружении примеров подобных эрратологических материальных метафор и их аналитическом описании с позиций полиперспективизма объектно-ориентированной философии культуры и латиноамериканской традиции материалистической онтологии коммуникации. Материалом исследования служат релевантные примеры сред, таких как город Припять, ныне несуществующие посёлок Главмосстроя и деревня Терехово, находившиеся в черте Москвы, а также Фордлэндия в Бразилии. Композиционно текст состоит из введения, методологического очерка, краткого теоретического обзора, раздела с результатами и их обсуждением и заключения.

Теоретический обзор

В 1980–1990-е годы Ю.М. Лотман заложил основы теоретического аппарата, который позволяет понимать город как семиосферу – динамическое пространство, где сталкиваются, гибридизируются и порождаются новые смыслы и разнородные семиотические коды. В работах 1990-х годов Лотман пришёл к выводу о кристаллизации в структуре города новых пространственно-временных модусов, способных духовно развивать горожан (Лотман, 2000). Эта мысль, развивавшая бахтинскую концепцию хронотопа, надолго определила оптику исследований: город перестал быть пассивным фоном социальных процессов и был признан активным агентом смыслопорождения. Критику подобного подхода можно найти в феноменологических подходах, например в книге искусствоведа, историка и специалиста по архитектуре Санкт-Петербурга Александра Викторовича Степанова «Феноменология архитектуры Петербурга». Александр Викторович, строит свою феноменологическую оптику через отмежевание от семиотической парадигмы, замечая, что город не текст, ввиду отсутствия статики, динамической природы городской жизни, отсутствия понятной фигуры адресата сообщения и множественности акторов, участвующих в смыслопорождении городской среды (Степанов, 2022). Однако, подобные проблемы на концептуальном уровне можно преодолеть через современные децентрированные и антиантропоцентрические семиотические проекты, которые не отменяют семиотическую или феноменологическую парадигму, но, в определенном смысле, одинаково чувствительны к ним.

Параллельно, с 1970-х годов, в США развивается материальная семиотика, в рамках которой метафора становится действующим актором науки и техники, тем, что призывает к жизни эпистемологические абстракции, которые определяют онтологию и практику не только научной деятельности, но и производства, деловой этики и политического активизма. Пионером в данной области можно считать Донну Харауэй. В её диссертации «Crystals, Fabrics, and Fields: Metaphors of Organicism in Twentieth-Century Developmental Biology» (1972) («Кристаллы, ткани и поля: метафоры органицизма в биологии развития XX века»), через историю и философию биологии были продемонстрированы агентности некоторых ключевых метафор, структурировавших научное знание. В центре её работы – анализ смены научных парадигм, а именно переход от механицизма и витализма к органицизму в эмбриологии. Харауэй использовала концепцию научных революций Томаса

Куна для анализа творчества трёх ключевых биологов-эмбриологов: Росса Г. Харрисона, Джозефа Нидэма и Пауля Вайса. Она стремилась показать, как их теоретические системы были выстроены вокруг центральных метафор (таких как «поле», «организация» и «структура»), которые формировали научное мышление и экспериментальную практику, выводя биологию из тупика жёсткого механицизма и схоластического витализма, где жизнь понималась как что-то загадочное и внешнее, как, например, душа.

Важной вехой 1990–2000-х годов стало переосмысление наследия структурализма применительно к городским пространствам. Исследователи активно обращались к идеям Р. Барта об «империи знаков» и У. Эко об «отсутствующей структуре», адаптируя их для анализа повседневной городской среды (Федосеева, 2025). В этот период окончательно оформляется понимание городского текста как многомерного явления, которое не может быть сведено только к архитектурной доминанте или планировочной схеме. На рубеже веков выходят работы, в которых пространственная семиотика начинает рассматриваться в контексте социальной памяти, идентичности и властных отношений, что подготавливает почву для основных направлений исследований XXI века.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений с 2010-х годов стала политическая семиотика города. Исследователей здесь интересует, каким образом материальная структура городского пространства – памятники, топонимика, ритуальные места – служит инструментом символической власти и ареной политической борьбы за смыслы, как время становится пространственной категорией, а городские праздники ритуализируют действительность, как моделируются космогонические схемы в локальных семиосферах, как реализуются современные культы предков и т.п., формируя актуальную сакрально-политическую реальность (Щербинина, 2022). Городской текст не просто пассивно транслирует заданные идеологии, но вступает в сложные отношения деконструкции и переозначивания.

Классическая работа Джеймса С. Дункана «The City as Text» (1990) показала, как ландшафт королевства Канди не только отражал политическую теологию, но и сам активно конституировал представления о власти и сакральном (Duncan, 1990). В российской науке этот подход находит продолжение в анализе того, как медиареальность становится инструментом борьбы сообществ и властных институтов за смыслы урбанистической среды (Федосеева, 2025).

Проблематика экологической семиотики города, или эко-семиотики, оформляется как самостоятельное направление в последнее десятилетие, хотя её истоки обнаруживаются в более ранних работах по культурной географии. Суть этого подхода заключается в анализе того, как природные объекты и процессы вписываются в семиотическую структуру города, становясь знаками с собственной прагматикой. Показательны работы выстраивающие семиоэкологии городской среды, как например можно видеть в тексте современной монографии «*Semiotic Approaches to Urban Space*», где, в частности, представлена глава, посвящённая семиотическому пространству для аборигенной биоты в городе ((Panico, 2024). Городская природа не является семиотически нейтральной средой: парки, скверы, незастроенные пустыри, а также отдельные виды растений и животных становятся знаками-индексами, отсылающими к представлениям о «дикости», «порядке», «здоровье» или «заброшенности». Взаимодействие между природными и культурными кодами формирует особый слой городской семиосферы, который может как поддерживать, так и разрушать доминирующие смысловые иерархии. Экологический аспект также поднимается в контексте «поверхностной семиотики», где граффити и природные наслоения на стенах рассматриваются как материальные свидетельства времени и взаимодействия человека с городской средой (Andron, 2024). Обозначая «поворот к поверхности» (surface turn), С. Андрон предлагает программу семиотики городских поверхностей, где стены, заборы, асфальт и фасады анализируются как материальные, визуальные и юридические территории.

Нельзя не отметить и находящуюся в стороне от городской тематики, но крайне влиятельную для семиотико-антропологической аналитики работу Эдуардо Кона «Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека» (Кон, 2018). Отказавшись от антропоцентричного взгляда на знак как на исключительно человеческий феномен, Кон, опираясь на семиотику Чарльза Пирса, убедительно показывает, что все живые существа – люди, животные и даже растения – вовлечены в непрерывный процесс «семиозиса», то есть производства и интерпретации знаков (икон, индексов и символов). Это позволяет анализировать лес не как пассивный фон, а как активную, «мыслящую» среду.

Концепция гиперобъектов Тимоти Мортон также вносит свой тёмный экологический сдвиг в анализ городской среды, расширяя семиотический подход вопросами масштаба, времени и нелокальности (Мортон, 2019). Гиперобъекты – такие

как изменение климата, пластиковое загрязнение или глобальные финансовые рынки – буквально растянуты в пространстве и времени настолько, что их невозможно охватить целиком в рамках обычного человеческого восприятия или классического городского исследования. Для урбанистики это означает, что протечка трубы, забитая свалка или смог над шоссе – это не изолированные «проблемы», а локальные проявления гигантского, «липкого», «фазового» гиперобъекта. Мортон заставляет нас признать, что город больше не может анализироваться как замкнутая система зданий и коммуникаций – он всегда пронизан эффектами гиперобъектов, из-за чего привычное различие между «естественным» и «искусственным» рушится, требуя новых методов мышления и этики. Таким образом, гиперобъекты позволяют по-новому взглянуть на городскую среду как на пространство, всегда находящееся «после конца мира», где локальное действие неизбежно резонирует с необозримыми глобальными процессами.

Параллельно североамериканской материальной семиотике и европейской семиотике культуры, в Бразилии сложилась самостоятельная традиция исследований множественного городского семиозиса, остающаяся малоизвестной за пределами латиноамериканского континента. Её отличительная черта – последовательный отказ от модели города-как-текста с отправителем и получателем в пользу модели поля взаимодействий, где образы, тела и среды непрерывно пожирают друг друга. Это ближе к феноменологам, как, например, А.В. Степанов.

Такой подход имеет глубокую археологию: по словам центральной фигуры этой традиции Норвала Байтельо-младшего, иконофагия мыслится как продолжение дадаистского «канибализма» и бразильского модернизма Освальда де Андраде с его антропофагией как манифестом новому осмыслению бразильской культуры до ворбургской традиции изучения «жизни образов» (*Nachleben der Bilder*) и флюссеровской рефлексии об аппаратах как «чёрных ящиках», пожирающих реальность (Baitello Jr. 2005, 2021).

Для эрратологической аналитики городской среды это означает, что сбой проектной траектории – это момент неконтролируемой иконофагии – когда образ одного воплощённого рая (например, дисциплинарно-индустриального, как в случае Фордландии) начинает пожираться другим (тропическим телом, растительностью, забвением, резистентной культурой), и этот процесс оставляет материальные

следы. Байтелло, развивая эту метафору, особенно в эссе последних лет, говорит о «несварении» (*indigestão*) образов, когда их избыток вызывает интоксикацию, где по мысли автора, и располагаются наиболее продуктивные для анализа феномены (Baitello Jr., 2005).

Результаты и обсуждение

Рассмотренные методологические установки могут быть проиллюстрированы на примере города Припять, который представляет собой предельный случай эрратологической аналитики в городской среде. Если в обычных городах скрытые перспективы и объектные коллективы обнажаются постепенно – через ветшание фасадов, смену вывесок, конфликты застройки, – то в Припяти сбой произошёл (почти) одномоментно и тотально. Техногенная катастрофа 1986 года стала тем оператором, который разом высветил множественность непроявленных ранее смыслов, зашитых в материальную ткань советского атомограда.

До аварии Припять функционировала как монологический проект в духе модернистской городской утопии. Все её объекты – от жилых кварталов до Дворца культуры «Энергетик» и парка аттракционов – были сопряжены в единый ансамбль, который транслировал сообщение о покорении атома, безаварийном прогрессе и социальном благополучии. Геннадий Олешко, главный архитектор, даже подготовил фарватер для судов на подводных крыльях, распорядившись расчислить заболоченный участок речного русла, таким образом отчасти, опять же, метафорически, сблизив город-мечту атомщиков с Раем на земле виднейшего русского практика нововременной философии Петра I, с Петергофом, куда и по сей день ходят «Метеоры». Однако в объектно-ориентированной перспективе за этим гладким фасадом всегда уже присутствовали иные актанты: радиация, геологические условия, будущая история распада государства, в котором авария стала одним из финальных звеньев длинной цепи, непредвиденные поведения материалов, непредвиденный и отчаянный героизм. До сбоя они оставались латентными, не попадая в поле семиотической фиксации.

Город, который был спроектирован как место максимальной интенсификации жизни, её антропоцентричного триумфа над «тёмной материей», превратился в место памяти и предупреждения. При этом важно, что физический субстрат

Припяти не исчез: здания, дороги, инфраструктура остались на месте, вступив в симбиоз с силами природы, которые человек удерживал в прирученном виде, но стоило ему исчезнуть из этих мест, как природа обнажила свой сдерживаемый план. Для человеческого взгляда изменилась семиотическая нагрузка. Колесо обозрения, которое никогда не запустилось, стало индексом остановленного времени, взглядом не на осваиваемое пространство, но самозамкнутой фиксацией на невозможности освоения в терминах проектного уровня городской идеи. Больница – индексом не медицинской помощи и возможности сохранять желаемую стабильность тела, а первого контакта с новым и пугающим природным агентом, вмешивающимся в границы тела. Пустующий жилищный фонд индексально сообщает эвакуацию как разрыв поколенческой перспективы, социальных и культурных связей, вступая знаком, который сам по себе является материальным объектом.

В терминах онтографической схемы RO-SQ (реальный объект – чувственные качества) можно сказать, что радиационное событие не уничтожило реальные объекты Припяти, но радикально переформатировало их чувственные и смысловые предикаты, доступные воспринимающему. Один и тот же жилой дом до 1986 года воспринимался как уют и надёжность, после – как оболочка, наполненная невидимым присутствием прошлого и опасности. Город распался на множество перспектив: для ликвидатора, для эвакуированного жителя, для stalkера, для учёного, для туриста. И ни одна из них не исчерпывает Припять целиком, но раскрывает миры, сокрытые до аварии.

С точки зрения Байтедьо, чернобыльская катастрофа выступает как момент неконтролируемой иконофагии: образ советского «рая на земле» – покорённой человеком природы – почти одномоментно пожирается образом радиационно-опустевшей зоны, который, не имея возможности «переварить» семиотику безаварийного атомограда, социалистического благополучия, оставляет руины, которые больше не могут быть ни утилитарно использованы, ни полностью забыты.

При этом происходит «открепление идентичности» для жителей Припяти, эвакуированных и навсегда застрявших на границе двух семиосфер – советского прошлого, где город был домом, и пост-катастрофного настоящего, где он превратился в запретный объект. Их идентичность находится в зоне семиотической травмы, между светлым образом докатастрофического будущего и апокалиптическим настоящим, не возвращаясь к первому, и не адаптируясь ко второму.

Наконец, Припять вписывается и в проблемное поле гиперобъектов Мортонa. Радиация как нелокальный, растянутый во времени объект (период полураспада плутония-239 – 24 тысячи лет) делает невозможным классическое различение конца города и его продолжения в истории, нарушая человекообразную феноменологическую темпоральность, ведь в определенном смысле жизнь Припяти даже как города продолжается.

Здесь с одной стороны ошибка (катастрофа) позволяет увидеть то, что в нормальном проектном городе остаётся скрытым: среду, как пересечение и столкновение полюсов объектных взаимодействий, где человек перестаёт быть единственным интерпретатором, уступая место радиации, ржавчине, лесу и долгому времени по другую сторону от человеческой перспективы.

А с другой – получает иконофагическую интерпретацию: образ города продолжает пожирать новых интерпретаторов – документалистов, стalkerов, учёных, – каждый раз переваривая их опыт заново, но никогда не достигая окончательной стабильности; именно эта незавершённая иконофагия и делает Припять генератором множественного семиозиса, который не может быть сведён ни к одному из проектных замыслов.

Здесь ошибка (катастрофа) позволяет увидеть то, что в нормальном проектном городе остаётся скрытым: среду, как пересечение и столкновение полюсов объектных взаимодействий, где человек перестаёт быть единственным интерпретатором, уступая место радиации, ржавчине, лесу и долгому времени по другую сторону от человеческой перспективы. Припять, таким образом, есть не просто город-призрак, а материальная метафора, которая продолжает преобразовывать тот материал, к которому она причастна, обрстая новыми смыслами в искусстве, журналистике и национальной памяти стран бывшего СССР.

Посёлок Главмосстроя и деревня Терехово располагались на искусственном острове Мнёвники (название неофициально, но понятно жителям Хорошево-Мнёвников и Крылатского) на северо-западе Москвы. Первый исчез к 2010-2013 годам, хотя некоторые относящиеся к нему отдельные строения, такие как знаменитая водонапорная башня (по состоянию на май 2026 года ещё существует) и заброшенный детский сад, простояли на территории, располагавшейся на острове базы ОМОН, вплоть до начала массовой застройки острова в 2020-2021 годах.

Деревня Терехово оказалась фактически последней деревней в черте Москвы и также была уничтожена вместе с началом массовой застройки Мнёвников. Один из авторов данной статьи наблюдал процессы, связанные с этими населенными пунктами с 2010 года и вплоть до их полного исчезновения и собрал обширный краеведческий материал. Хотя, как будет сказано позже, исчезновение не было полным, ведь некоторые атрибуты данных образований сохраняются и в становящейся прямо сейчас в т.н. «Мнёвниковской пойме» («пойма» здесь не самый корректный термин) проектной застройке, вводя отличную от сценария Припяти хонтологическую объектную перспективу. И, как и в случае с Припятью, которая воплощала на земле социалистическую утопию, в Мнёвниках был свой проект Рая – Страна Чудес, капиталистическая чёрная дыра, как странный аттрактор аккумулировавшая внушительные денежные потоки и разрушения на местности.

Сама местность крайне примечательна. Десятилетия она являлась природным анклавом столицы, дикой территорией с видом на небоскребы комплекса Москва-Сити. Все строения и рукотворные объекты на Острове находились друг от друга в изоляции, отграничиваясь друг от друга полосами болот, полями, зарослями кустарников и небольшими рощами. Здесь, например располагался Москворецкий дендропарк, ныне также утраченный (открыт в 2011, недоступен приблизительно с 2020-2021 гг.), в котором посетитель мог ознакомиться с растительностью шести климатических зон мира. Несмотря на 90 млн. рублей, вложенных в строительство, парк ни дня не работал, хотя местные и любители городских странностей посещали его самостоятельно вплоть до начала массового строительства. В сквере, рядом с открывшейся в 2021 году станцией Терехово, находится памятный камень, надпись на котором гласит: *«Монумент установлен в память ушедшей в лета последней Московской деревни Терехово 1642 – 2020 год в дань уважения памяти предкам от благодарных потомков. Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»*. Сам этот памятник имеет по всей видимости очень богатую историю. Если обойти этот гранитный блок, высотой примерно два метра, то вы обнаружите на обратной стороне следы другой надписи. Разобрать сейчас, что именно там было написано невозможно, но расположение и размер бывших букв, а также размер и форма монумента подсказывают, что он уже был в употреблении, и раньше стоял здесь же, на Острове, только чуть дальше: вдоль улицы Нижние Мнёвники.

Местные ещё помнят, что тогда на нем было написано: «Здесь будет сооружён Детский Парк Чудес будущего XXI столетия. 23 сентября 1993 г.». Такова ирония этрусской казни. В Сети ходит легенда, что ещё раньше этот блок гранита служил постаментом для памятника Калинин, но это, скорее всего не правда. Идея строительства Парка Чудес, по проекту Церетели, тоже имеет интересные корни. Изначально на этом месте Хрущевым предполагался социалистический «убийца» Диснейленда – Страна Чудес – парк, который бы воспроизводил красоты и природное разнообразие советских республик. Проект в общих чертах был описан в журнале «Техника – молодежи» (№ 8, 1960 год). Но ни тогда, ни в 90-е Страна Чудес в Мнёвниках так и не была реализована. Сам же камень является ключевой метафорой динамики утопии, которая не может себя достигнуть, но всё равно преобразует действительность, причем в двух модусах самой жизни: разрушающее очищение старого и становление нового.

Именно попытка построить Страну Чудес повлияла на события, приведшие к расселению Главмосстроя и Терехово. История первого такова: в 1940-х годах на искусственном острове Мнёвники на реке Москве, образованном при строительстве Канала имени Москвы и Карамышевского гидроузла, к югу от деревни Терехово, вблизи от пристани «Нижние Мнёвники» были построены жилые бараки. В 60-е годы посёлок перестал позиционироваться как временный, началось благоустройство и создание социальной инфраструктуры, а в 1974 году безымянный посёлок получил официальное название посёлок Главмосстроя. К 1992 году посёлок был расселен, но жизнь в нём продолжилась: некоторые организации (Управление по водному и речному транспорту Москвы, склады бетонного завода) продолжали работать в этой локации со статусом несуществующего муниципально-географического объекта. До 2010 года сюда продолжал ходить автобус №243, за исключением рабочих и городских исследователей (сталкеров, фотографов, краеведов) он ходил пустым большую часть времени. Позднее, рядом сохранялась остановка «Проезд Главмосстроя», работавшая по требованию. История деревни Терехово богаче, у нас здесь, к сожалению, недостаточно доступного объема для её изложения, но для общего понимания можно отметить, что она пережила две Отечественные войны и попытки создания Страны Чудес, но не смогла устоять под натиском коммерческой жилищной застройки.

Главмосстрой и Терехово предстали как метафоры увядания на фоне различных глазом символов новой становящейся Москвы, с её небоскребами и новостройками. Если Припять обнажает множественность смыслов через тотальный сбой, то случай Мнёвниковой поймы демонстрирует иной тип эрратологической динамики – исчезновение, которое не становится полным. Посёлок Главмосстроя и деревня Терехово не были разрушены катастрофой. Их уничтожение было рутинным, поэтапным и санкционированным, но также оно встречало сопротивление этих объектов, которые пересобирали себя, отвоевывая право на существование. Однако, как показывает собранный авторами краеведческий материал, исчезновение не отменяет присутствия, ведь контуры существующих сейчас проектируемых проездов, часть из которых уже построена, расширяет логику пространства, которое уже было определенным способом организовано ранее. Смысловые архитектурные акценты строящегося ЖК «Остров», симулякра того, что называлось Остров выше по тексту, соотносятся с прежней семиотопологией пространства. В терминах объектно-ориентированной философии реальные объекты (RO) Мнёвников не перестают действовать – они переходят в призрачный модус существования, хонтологический регистр, сохраняя способность влиять на среду и порождать новые смыслы.

Ключевым материальным свидетелем этой хонтологической динамики выступает гранитный блок, установленный ныне у станции метро «Терехово». Этот камень-кочевник – чистая материальная метафора. Он дважды переозначивается: сначала как вестник капиталистической утопии (проект Церетели, наследующий социалистическому замыслу 1960 года из журнала «Техника – молодёжи»), затем как траурный монумент утраченной деревне. При этом ни социалистическая, ни постсоветская «Страна Чудес» не были построены. Тем не менее сам проект непостроенного Рая произвёл реальные материальные эффекты: именно он инициировал процессы расселения и последующего уничтожения Терехово и Главмосстроя.

События в Мнёвниковской пойме с позиций Байтелью предстают как драматургия пожирания в четырех актах: капиталистическая утопия «Страны Чудес» последовательно пожирает советский проект парка, а затем оба эти образа – утопию и её поглотителя – пожирает ностальгический траурный нарратив ушедшей деревни,

запечатлённый на гранитном блоке у станции метро «Терехово». Сами материальные артефакты – остатки этого пожирания – постепенно «перевариваются», встраиваясь в новую среду и формируя новые образы. Камень-кочевник выступает здесь чистым материальным свидетелем реверсивной иконофагии: сначала он был «вещью для образа, затем «образом-вещью», который переварил и заместил собой утраченную семиосферу. Более того, сама история Терехово иллюстрирует тезис Байтельо о «сидящем мышлении»: официальный дискурс и проектные образы «обездвижили» реальность, заставив уникальный топос исчезать под гнётом паралича воли, усыпленной визуальными образами Рая, построенного в будущем, которое так и не наступило. Иконофагия здесь совершается не материей, а самим отсутствием события – медленное, рутинное расселение и снос, при которых образы съедают себя сами, оставляя после себя лишь хонтологический шлейф «непереваренного» детского сада или водонапорной башни. Так Терехово иллюстрирует сбой как молчаливое торжество визуальной симуляции над материей, где подлинная травма заключается не в утрате места, а в самом факте его медийного замещения – в том, что мы наблюдаем теперь не исчезнувшую деревню, а её более стойкий и убедительный призрачный образ, который тщетно сопротивлялся, о чем свидетельствуют как история сопротивления её жителей и активистов, так и самих объектов местности.

В отличие от Припяти, где время застыло, Мнёвники демонстрируют утопию, работающую в режиме отсутствия, в режиме медленной отмены будущего и замедления капитализма. Лакуна на месте снесённого посёлка, перебитая надпись, дендропарк, открытый и тут же закрытый, – всё это объектные свидетельства того, что несбывшееся преобразует реальность не слабее, чем реализованное. Городская среда здесь предстаёт не как библиотека смыслов, а как пространство, где «Рай воплощённый» невозможен, но сама попытка его построить уже перекраивает фактичность земли.

Третьим примером, радикально отличающимся и от катастрофического разрыва Припяти, и от хонтологического угасания Мнёвников, выступает Фордландия – бразильский город-проект, основанный Генри Фордом в джунглях Амазонии в 1928 году. Здесь эрратологическая аналитика обнаруживает не просто поломку проектной траектории, но её телесную невозможность: Рай задуманный, Рай воплощённый и Рай ожидаемый столкнулись на общей материальной территории.

Фордландия задумывалась как монологический проект американского индустриального рабочего города, где Рай, задуманный Фордом, обретает предсказуемость и эффективность в образах мифологем модерна: прямой перенос дисциплинарного города Среднего Запада в сердце сельвы. Геометрически выверенные ровные улицы, жесткое разделение на местности природы и культуры, протестантская этика труда, запрет на алкоголь и табак, строгий распорядок дня, американские нормы гигиены и питания – всё это должно было стать воплощённым Раем для бразильских рабочих. Однако, местность с её особенностями, климатом, растительностью, равно как и культура местного населения, не позволили подобному проекту реализоваться. Фордландия относительно быстро вошла в стадию эрратологического разрыва: каучуковые деревья, посаженные слишком близко друг к другу по североамериканской агрономической норме, поразила листовая ржавчина; тропическая жара без кондиционеров сделала дисциплинарный режим невыносимым; местные рабочие не приняли чуждых социальных практик.

В парадигме иконофагии Фордландия – это пример того, как один воплощённый и перемещенный Рай был буквально «съеден» другим воплощённым первозданным Раем и средой. Причём джунгли здесь выступают не просто как природный фон, но как активный медиум: листва, влажность, насекомые, жара производили собственные знаки-индексы, которые дезавуировали фордовские нарративы о чистоте, порядке и контроле.

Стоит также обратить внимание на феномен «невидимости». Фордландия до сих пор существует в медиа-дискурсе как набор карикатурных образов, «непереваренных» иконофагией. Эти образы поглотили реальное место, заместив его медийным призраком.

В терминах онтографической схемы, примененной двум примерам выше, Фордландия демонстрирует следующий сдвиг: реальные объекты (RO) города – здания, лесопилка, планировка – остались на месте. Но их чувственные качества (SQ) для разных воспринимающих радикально различны. Для Форда – воплощённый рай дисциплины и предсказуемости. Для бразильского рабочего – чувственно-телесный ад (жара, удушье, чуждый ритм жизни). Для крайне малочисленных жителей – кров и ностальгия по молодости. Множественность SQ не отменяет RO, но делает почти заброшенный город нестабильным объектом, ускользающим в ту перспективу, из которой на него смотрят.

Призрачная онтология даёт другую оптику для рассмотрения Фордландии. Этот город стал призраком дважды: первый раз – когда проект Форда провалился; второй раз – когда дискурс превратил воплощенную идею Форда в карикатуру. Но это не мешает реальным объектам Фордландии действовать и сейчас. Здания продолжают ветшать, джунгли поглощают инфраструктуру, местные жители (потомки тех рабочих, которые остались) производят новые смыслы, не совпадающие ни с фордовским замыслом, ни с туристическим нарративом.

Если взглянуть на Фордландию через призму Мортоновского гиперобъекта, то на смену радиации и капитализму в предыдущих примерах приходит экстрактивизм, так и не побежденный в Латинской Америке ни в 1928 г, ни теперь. Фордландия должна была стать звеном в цепи мирового каучукового рынка, который является гиперобъектом индустриального модерна, растянутым в пространстве и времени. Идея, произведенная в США, и поиск «Земли Обетованной» с дальнейшей ее покупкой в Рио, оборачивается материальными руинами в Амазонии.

Заключение

Мы начинали с расхожей мудрости о том, что сокрытое всегда на виду, и городская среда за долгое время изучения так и не стала от этого менее загадочной. Проведённый анализ трёх кейсов – Припяти, Мнёвниковской поймы и Фордландии – позволил не просто зафиксировать множественность городских смыслов, но проследить и описать механизмы их порождения. Во всех трёх случаях «Рай воплощённый» (советский атомоград, социалистическая и постсоветская «Страна Чудес», индустриальная утопия Форда) столкнулся с собственным материальным пределом. Город предстал не как пассивный носитель сообщения и не как библиотека значений, но как поле, где образы и материя непрерывно пожирают друг друга, оставляя руины, призраки и непереваренные останки. Катастрофа, медленное исчезновение и невозможность – три разных типа сбоя, – высветили то, что в нормальном, «безаварийном» проекте остаётся скрытым: среду как пересечение конфликтующих полюсов объектных взаимодействий, где человек перестаёт быть единственным интерпретатором, уступая место радиации, ржавчине, лесу, джунглям, девелоперским машинам и долгому времени.

Предложенная в работе эрратологическая аналитика, выстроенная вокруг материальной семиотики, концепции иконофагии Байтельо и онтографии Хармана,

показала свою продуктивность именно как инструмент насыщенного полиперспективного описания, вскрывающего черный ящик. А отклонение от проектной траектории, катаклизм или проблемное расселение становится главным оперативным входом в анализ. Именно в момент иконофагии – когда один образ начинает пожирать другой – обнажаются латентные смыслы и актанты, которые в штатном режиме остаются невидимыми. При этом избранный подход не отменяет ни семиотику культуры, ни феноменологию, но позволяет работать в зазоре между ними, одинаково чувствительно относясь к знаковым структурам и телесно-чувственным модусам их конфликта. Основным ограничением метода остаётся его «дороговизна» в исследовательском смысле: он требует длительного включённого наблюдения, сбора краеведческого и полевого материала, а также готовности к тому, что объект не даст законченной интерпретации, настаивая на своей трансцендентной неисчерпаемости. Также нельзя забывать и о классическом упреке в сторону объектно-ориентированной философии: зачастую она становится вариацией нон-фикшен литературы. Однако это обусловлено заложенной ещё АСТ и семиотикой Греймаса невосприимчивостью к искусственным границам регистров высказывания, там, где оно претендует на речь о гетерогенной действительности.

В перспективе разработанный инструментарий может быть применён к другим типам городских сред, где сталкиваются проектные утопии и телесные резистентности. Круг потенциальных объектов широк: от городов-проектов XX века (Бразилиа, Чандигарх, Навои) до пространств пост-индустриальной заброшенности (закрытые шахтёрские города Патагонии, заводские пустоши), от медийных образов, замещающих собой материальные локальности (виртуальные «районы» в туристических симулякрах), до районов реновации, где исчезновение старой застройки производит сходные хонтологические эффекты. Особый интерес представляет возможность сочленения эрратологической аналитики с политической семиотикой города и экосемиотикой, а также её адаптация к анализу цифровых сред, где сбои алгоритмов и проектные ошибки интерфейсов обнажают скрытые слои смыслов с не меньшей наглядностью, чем радиация или джунгли в рассмотренных кейсах.

Завершая, следует подчеркнуть: «Рай воплощённый» – это не оксюморон и не метафора тщеты. Это констатация того, что утопия, как воплощение Божественного замысла по своей сути, будучи вписанной в материю города как изобретения

человеческого, неизменно начинает жить собственной жизнью, неподвластной людскому разумению. Она может пожирать среду и тела, может быть пожираемой ими, а может – как в случае с камнем-кочевником в Мнёвниках – переозначиваться настолько радикально, что её первоначальный смысл становится лишь бледным шрамом под новой надписью, угрожающей издевкой, вернувшейся пародией, поверх другого искажения. Городская семиотика, если она хочет быть честной, не должна стремиться к окончательному прочтению. Её задача – картографировать зоны иконофагии, фиксировать моменты сбоя и вслушиваться в то, что проговаривается в ошибке. И эта зона, как показали наши примеры, всегда там, где Рай задуманный ещё продолжает действовать и преобразовать Рай воплощённый, но уже не в силах совладать с Раем предустановленным – базовыми природно-физическими, историческими и метафизическими настройками бытия.

Библиография

- Кон, Э. (2018). *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. Ад Маргинем Пресс.
- Лотман, Ю. М. (2000). *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*. Искусство-СПБ.
- Мортон, Т. (2019). *Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира* (В. И. Абраменко, Пер.). Гиле Пресс.
- Петров, К. А. (2023). Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно. *Социология власти*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnaya-semiotika-kak-metod-ot-neopredelennosti-k-poryadku-i-obratno>
- Степанов, А. В. (2022). *Феноменология архитектуры Петербурга* (240–245). Арка.
- Федосеева, Н. И. (2025). Урбан-коды в отражении городской медиареальности. *Неофилология*, 11(3), 622–632.
- Харман, Г. (2018). *Имматериализм: объекты и социальная теория* (А. Писарев, Пер.; 134–137). Издательство Института Гайдара.
- Харман, Г. (2020). *Спекулятивный реализм: введение* (А. А. Писарев, Пер.). РИПОЛ классик.
- Щербинина, Н. Г. (2022). Исторический город как текст в политико-смысловом пространстве настоящего. В *Визуальная антропология городских и региональных исследований: сборник научных трудов*. НовГУ.

- Andron, S. (2024). *Urban surfaces, graffiti, and the right to the city*. Routledge.
- Baitello, N. (2005). Incomunicação e imagem. In N. Baitello, M. S. Contrera, & J. E. de O. Menezes (Orgs.), *Os meios da incomunicação* (pp. 71–80). Annablume; CISC.
- Baitello, N. (2021). *A fotografia e o verme*. Fotô Editorial.
- Duncan, J. S. (1990). *The City as Text. The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom*. Cambridge University Press.
- Ferreira, C. S. (2025). *A identidade no Vale do Amanhecer: uma análise por meio do design e da semiótica da cultura* (Dissertação de Mestrado em Design). Universidade de Brasília, Brasília, DF, Brasil.
- Panico, M. (2024). *Semiotic Approaches to Urban Space* (F. Bellentani, M. Panico, & L. Yoka, Eds.). <https://doi.org/10.4337/9781800887220>

References

- Andron, S. (2024). *Urban Surfaces, Graffiti, and the Right to the City*. London: Routledge. (264 p.)
- Baitello, N. (2005). Incommunication and image. In N. Baitello, M. S. Contrera, & J. E. de O. Menezes (Eds.), *The Media of Incommunication* (pp. 71–80). São Paulo: Annablume; CISC.
- Baitello, N. (2021). *Photography and the Worm*. São Paulo: Fotô Editorial.
- Duncan, J. S. (1990). *The City as Text: The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom*. Cambridge: Cambridge University Press. (231 p.)
- Fedoseeva, N. I. (2025). Urban codes in the reflection of urban media reality. *Neophilology*, 11(3), 622–632.
- Ferreira, C. S. (2025). *Identity in the Vale do Amanhecer: An analysis through design and the semiotics of culture* (Master's thesis in Design). University of Brasília, Brasília, DF, Brazil.
- Harman, G. (2018). *Immaterialism: Objects and Social Theory* (A. Pisarev, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Press. (152 p.) [Original English edition published 2016, pp. 134–137]
- Harman, G. (2020). *Speculative Realism: An Introduction* (A. A. Pisarev, Trans.). Moscow: RIPOL classic. (290 p., p. 211) [Original English edition published 2018]
- Kohn, E. (2018). *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*. Moscow: Ad Marginem Press. (344 p.) [Original English edition published 2013]
- Lotman, Yu. M. (2000). *The Semiosphere: Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. (704 p.)

- Morton, T. (2019). *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World* (V. I. Abramenko, Trans.). Perm: Hyle Press. (284 p.) [Original English edition published 2013]
- Panico, M. (2024). Semiotic approaches to urban space. In F. Bellentani, M. Panico, & L. Yoka (Eds.), *Semiotic Approaches to Urban Spaces*.
<https://doi.org/10.4337/9781800887220>
- Petrov, K. A. (2023). Material semiotics as a method: From uncertainty to order and back. *Sociology of Power*, (2). Retrieved April 29, 2026, from
<https://cyberleninka.ru/article/n/materialnaya-semiotika-kak-metod-ot-neopredelennosti-k-poryadku-i-obratno>
- Shcherbinina, N. G. (2022). The historic city as a text in the political-semantic space of the present. In *Visual Anthropology of Urban and Regional Studies: Collection of Scientific Papers*. Veliky Novgorod: NovSU.
- Stepanov, A. V. (2022). *Phenomenology of the Architecture of St. Petersburg*. Saint Petersburg: Arka. (396 p., pp. 240–245)

Информация об авторах

Дмитрий Сергеевич Горшенёв

канд. филос. наук, доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина,

МГИМО МИД России,

19454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

e-mail: d.gorshenev@inno.mgimo.ru

Матвей Григорьевич Чертовских

канд. филос. наук, старший преподаватель Кафедры философии им. А.Ф. Шишкина,

МГИМО МИД России,

19454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

e-mail: matt780@mail.ru

Information about the authors

Dmitry S. Gorsheneyov

PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy named after A.F. Shishkin,

MGIMO University,

76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

e-mail: d.gorshenev@inno.mgimo.ru

Matvey G. Chertovskikh

PhD in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy named after A.F. Shishkin

MGIMO University,

76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.

e-mail: matt780@mail.ru

Для цитирования:

Горшенёв, Д. С. & Чертовских, М. Д. (2026) Рай воплощенный: объектный модус метафоры в эрратологической аналитике городской среды. *Perspectiva Temporis*, 1 (1), 111-134.

DOI: 10.24412/3045-3240-2026-1-111-134

For citation:

Gorsheneyov, D. S. & Chertovskikh M.G. (2026) Embodied Paradise: The Objectal Mode of Metaphor in the Erratological Analytics of the Urban Environment. *Perspectiva Temporis*, 1 (1), 111-134.

DOI: 10.24412/3045-3240-2026-1-111-134

Материал поступил в редакцию / Received 06.05.2026

Принят к публикации / Accepted 05.06.2026